

РЕЦЕНЗИИ. ПОЛЕМИКА.
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 801.731 ББК 83.3(2=411.2) DOI 10.25986/IRI.2020.79.1.0013

Д. М. Буланин
ИРЛИ РАН, Институт истории СПбГУ,
Санкт-Петербург, Россия. dmitriibulanin@yandex.ru

«НОВЫЙ МАРГАРИТ» А. М. КУРБСКОГО
В ИСТОРИИ РУССКОЙ ПЕРЕВОДНОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

(*Bounatirou Elias. Eine Syntax des Novyj Margarit des A. M. Kurbskij: Philologisch-dependenzgrammatische Analysen zu einem kirchenslavischen Übersetzungskorpus. Wiesbaden: Harrassowitz, 2018. (Slavistische Beiträge. Bd 509). Vol. 1: Philologische, sprachkulturelle und lautlich-graphematische Grundlagen. Vol. 2: Syntax. 1–422 + 423–908 S.*)¹

Самым обширным из трудов А. М. Курбского на Волини является сборник «Новый Маргарит», который преимущественно составлен из текстов Иоанна Златоуста, переведенных с латинского языка. Оригинал послужило пятитомное издание Златоуста, которое вышло в Базеле в 1558 г. Основное внимание Э. Бунатиру сосредоточено на структурном анализе синтаксиса в главах «Нового Маргарита». Но попутно он высказывает оригинальные суждения об истории текста сборника, о рассеянных по его полям глоссах, о двойственной языковой ориентации переводчика, об опознании допущенных князем ошибок.

Ключевые слова: эмиграция, перевод, патристика, оригинал, грамматика зависимостей, синтаксис, глоссы, архетип

При первом знакомстве читателя с книгой она может вызвать определенное недоумение — несоразмерностью предмета исследования («Новый Маргарит», обособленный из серии других переводных сборников князя А. М. Курбского, писателя довольно плодовитого) и затраченных на это исследование усилий. На отдельно взятый памятник славянской средневековой письменности, на описание только его языкового воплощения, отводится почти тысяча страниц! — «Не стреляет ли автор из пушки по воробьям?» Удивление воображаемого читателя, заглянувшего в оглавление и вводные разделы книги, пожалуй, лишь возрастет. Ибо диспропорция между объектом рассмотрения и дотошностью, с которой этот объект рассматривается, оказывается еще более значительной, чем следует из названия работы. Действительно, по объективным причинам в громадном большинстве случаев о первоначальном тексте перевода приходится судить на основе старшего и самого полного списка «Нового Маргарита», хранящегося в Библиотеке герцога

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 16-18-10137.

Августа в Вольфенбюттеле, Cod. Guelf. 64.43 Extrav. и изданного И. Ауэрбах². (Э. Бунатиру, когда это возможно, приходится доказывать, что каждое из разбираемых чтений рукописи принадлежит авторскому архетипу.) С другой стороны, ученый сознательно отказывается от всесторонней лингвистической характеристики сборника (в частности, почти не обсуждается его лексический состав), поставив во главу угла описание структурного синтаксиса перевода, точнее, грамматики зависимостей, соответственно, подчинительные связи предиката (С. 17). В меньшей мере учитывается грамматика составляющих (С. 786–790). Правда, в предложенную И. А. Мельчуком модель «смысл — текст» вносятся существенные коррективы, поскольку при анализе памятников средневековой письменности современному реципиенту приходится двигаться от текста к смыслу (С. 19, 798). Так или иначе, получается, что два внушительных по объему тома посвящены синтаксису (за редкими исключениями) одной-единственной рукописи. Правомерно ли это? Тем более что языковое своеобразие, присущее литературному наследию Курбского, — тема не новая, она уже давно занимает филологов, в том числе выдающихся представителей западной славистики [Damerau; Besters-Dilger].

И все-таки перед нами тот случай, когда цель оправдывает средства: нужно добраться до последней страницы рецензируемого исследования, чтобы убедиться в логической безупречности его композиции, в которой нет лишних разделов, даже если в некоторых из них речь идет о весьма специфических атрибутах разбираемых текстов или предлагаются экскурсы по, казалось бы, посторонним вопросам (ср., например, на с. 433–464 разработку понятия «фразы», необходимую для адекватной интерпретации статьи Курбского «Сказ о знаках книжных»). Ограничиваясь в качестве источника для разысканий о вышедших из употребления лингвистических феноменах одним памятником, филолог всегда рискует оказаться в плену у сочиненной задним числом нормативной исторической грамматики. Ибо нередко случается, что выбранный источник используется для иллюстрации правил этой грамматики, а аргументация филолога в итоге идет по порочному кругу. Давая себе отчет в подстерегающей его опасности, Э. Бунатиру много места уделяет исследованию иноязычных, прежде всего, латинских оригиналов «Нового Маргарита», которые служат в некотором роде страховкой — они легализуют осмысляемые и оцениваемые ученым славянские конструкции (С. 219). Вообще, при ближайшем рассмотрении выясняется, что комплекс текстов, образующих переводный сборник Курбского, последовательно рассматривается в рецензируемой книге как двуединство — в совокупности оригиналов и их славянских эквивалентов. Помимо прочего, методика Э. Бунатиру оправдана тем, что, по единодушному мнению специалистов, переводы князя с трудом можно понять, если не держать под рукой их источники (С. 487). Следует отметить, что в изучении этих источников автор обсуждаемой работы достиг больших успехов.

Хотя предшественники Э. Бунатиру давно высказывали предположение, что строительный материал для «Нового Маргарита» был извлечен составителем преимущественно из пятитомного латинского издания творений Иоанна Златоуста, вышедшего в Базеле в 1558 г., только теперь нам представлены текстологические доказательства этого тезиса. Главным индикатором при поисках издания-оригинала служит исследователю «Каталогус», завершающий сборник переводов Курбского по Вольфенбюттельскому списку, который содержит общий перечень всех включенных в латинское пятитомное собрание произведений отца церкви и который князь-переводчик (или подведомственный ему исполнитель) аккуратно воспроизвел из своего источника по-русски как самостоятельную статью³. Источником этим явилось Базельское

² *Andrej Michajlovič Kurbskij. Novyj Margarit. Historisch-kritische Ausgabe auf der Grundlage der Wolfenbütteler Handschrift / Hrsg. von I. Auerbach. Giessen, 1976–1990. Bd 1–4.*

³ Мнение о том, что «Каталогус» представляет собой план дальнейших работ князя над переводами Златоуста, не соответствует действительности (ср.: [Ерусалимский, с. 74]).

издание 1558 г., там соответствующий каталог находится в начале первого тома. Хотя сходный каталог сопровождает и другие издания пятитомника, Э. Бунатиру отыскать в «Каталоггусе» многочисленные индивидуальные чтения, маркирующие (естественно, в латиноязычном облики) один только вариант данной статьи (каталога) в книге 1558 г., а главное — своего рода «общую ошибку»: только в издании 1558 г. (одинаково в каталоге и внутри книги), как и в «Каталоггусе» Курбского, гомилии на Псалтирь оказались среди статей первого тома, вопреки принятым в издании правилам распределения сочинений Златоуста по томам. Однозначная идентификация латинского оригинала Курбского позволила автору рецензируемой книги отыскать в Базельском издании точные аналогии к большинству статей, составляющих содержание «Нового Маргарита». Результаты этих разысканий представлены в конце исследования в виде реестра (С. 807–829), где — впервые в историографии сборника — против каждой из глав указан точный эквивалент по изданию 1558 г., которым пользовался переводчик (или переводчики, поскольку определить личный вклад князя в работу, отличный от трудов его помощников, мы не имеем возможности).

Вторым источником переводного сборника послужила «Церковная история» Никифора Каллиста Ксанфопула в латинском переводе, извлечения откуда занимают гл. 92–95 «Нового Маргарита». Э. Бунатиру, полемизируя со своими предшественниками, отказывается считать источником перевода греческий оригинал произведения, не получивший распространения. Вместе с тем, в отличие от текстов с именем Златоуста, переводы из «Церковной истории» не содержат ярких примет, позволяющих опознать издание, которым пользовался Курбский.

Э. Бунатиру в общем и целом соглашается с выводом В. В. Калугина, который нашел в сопровождающих переводы Курбского (в том числе входящие в «Новый Маргарит») комментариях («сказах») следы обращения еще к одному латинскому источнику — словарю Амвросия Калепино, который обычно издавался вместе с «Ономастиком» Конрада Геснера [Калугин, с. 57–64]. Однако отождествить заимствования непросто, потому что они растворены в оригинальных высказываниях писателя-переводчика (С. 192–193).

По мнению автора рецензируемой книги, непосредственно к греческому оригиналу могут быть в составе «Нового Маргарита» возведены только гл. 100 (перевод, с пропусками, заимствован в сборнике из прежней рукописной книжности в готовом виде), а также — частично — гл. 56 и 57, представляющие собой фрагменты из Бесед Златоуста на Евангелие от Иоанна в переводе Максима Грека и Силуана (пропуски в осуществленном ими переводе с греческого дополнены Курбским по латинскому изданию)⁴. Что касается латинского издания Златоуста 1558 г., то тщательное его исследование позволило Э. Бунатиру прийти к интересным выводам, о том, например, что среди взятых Курбским для перевода текстов почти половина (43 главы) изначально были написаны по-латински, стало быть, являются псевдоэпиграфами (С. 205–206). Найденны не замеченные прежде следы использования в «Новом Маргарите» Базельского издания — вплоть до квадратных скобок, с помощью которых Курбский выделяет цитаты из Священного Писания (С. 480–481). Остается пожалеть, что автор монографии устранился от решения вопроса о принципах, по которым переводчиком (переводчиками) производилась выборка из латинского пятитомного собрания, в каком отношении эта выборка (то есть «Новый

---

⁴ Переведенные совместными трудами Максима и Силуана Беседы Златоуста на Евангелие от Иоанна, как и другой их перевод — Беседы Златоуста на Евангелие от Матфея, высоко ценились в кружке Курбского. В частности, князь перевел с латинского еще несколько глав, недостававших в списках с переводами Максима — Силуана, по-видимому, из-за лакун в том греческом оригинале, с которым они работали. Это четыре главы из Бесед на Евангелие от Иоанна (гл. 58–61 в «Новом Маргарите») и одна глава в Беседах на Евангелие от Матфея (гл. 55 в «Новом Маргарите»). Напротив, в состав так называемого «Сборника Курбского», частично отражающего архив князя, помещены выдержки, соответствующие переводу Максима — Силуана, которые, вероятно, предназначались для того, чтобы восполнить дефекты какого-то из списков Бесед (С. 182–183). См. также: [Bounatirou, 2018b].

Маргарит») находится к обращавшемуся в древнерусской письменности сборнику с названием «Маргарит» (С. 13) и какое назначение предусматривалось для новоукомплектованного сборника. Самоограничение тем более прискорбное, что в книге мимоходом сообщаются факты, вплотную подводящие к определенным выводам — например, отмечено отсутствие в «Новом Маргарите» сочинений Златоуста из традиционного репертуара славянских переводов (С. 216).

Для дальнейшего изучения оригинальных и переводных трудов Андрея Курбского наибольшее значение имеют размышления Э. Бунатиру о корректной дефиниции того языка, которым написаны сочинения и переводы князя, и важные в методологическом плане рекомендации, позволяющие разделить разбираемые чтения из «Нового Маргарита» на исправные и ошибочные. Думается, что наиболее перспективный путь, задающий рамки для характеристики знаменитого оппонента Ивана Грозного как литератора, включая его языковые пристрастия, был намечен в свое время Д. С. Лихачевым [Лихачев]. Ученый проницательно подметил в творениях Курбского, помимо этикетных мыслей и выражений, обычных для древнерусских текстов соответствующего разряда, стереотипы, свойственные писаниям эмигрантов всех времен и всех народов. Если мы не будем вкладывать в слово «эмигрант» антиисторического оценочного значения, мы поймем, что оно очень точно отражает двойственную культурную ориентацию героя рассматриваемой книги. В сознании князя не изгладились воспоминания о Московском царстве эпохи его идеологической консолидации, и одновременно он должен был встраиваться в культурные модели Польско-Литовского государства. В то время как здесь писали магнаты, мелкие шляхтичи и мещане, на Руси писательский труд оставался прерогативой духовного сословия, и каждое отступление от этого правила имеет для XVI в. свое конкретное объяснение. Достаточно вспомнить, в какой восторг привел летописца труд мирянина Василия Михайловича Тучкова-Морозова (кстати, родственника Курбского), подготовившего украшенную редакцию Жития Михаила Клопского. О работе агиографа сообщено как о событии экстраординарном: «...сей храбрый воин, преженаписанный Василей светлое око, и всегда во царских домех живый, и мяккая нося, и подружие законно имея, и селика разумия от Господа сподобися»⁵. Курбский-писатель, помимо своей воли, выступает в роли духовного, а не светского книжника, он то и дело воспроизводит эталоны московской духовной письменности. Но при этом ему приходится приравниваться к понятиям своего нового окружения, разумеется, мирского, а не церковного, что создает предпосылки для неоднозначной литературной позиции, противоречивых заявлений, двойственности стилистических пристрастий и языковой стратегии. Поэтому на издавна мучивший ученых вопрос, писал ли Курбский для своих соотечественников в Москве или для единомышленников в Литве, нет и не может быть универсального ответа. Закономерно, что князь постоянно сбивается в адресации притяжательных местоимений — кого называть «нашими», а кого «вашими» (С. 275). Точно так же понятна двусмысленность некоторых его деклараций, например, о неумении расписаться кириллическими буквами (С. 57–59). Отсюда же неуверенность в своем знании церковнославянского языка и колебания в наименовании отдельных лексем и пассажей «словенскими» или «русскими» (С. 280–281). Э. Бунатиру, безусловно, прав, протестуя против навешивания ярлыков на весьма своеобразный письменный язык Курбского, для которого на первом месте стоял не генезис, а функция отдельно взятого языкового явления (С. 272).

Есть основания думать, что двойственность литературной и языковой политики писателя объясняет, среди остального, самую непривычную черту в его переводах — широкое использование синонимических глосс, размещенных по полям рукописей. Их особенно много как раз в Вольфенбюттельском кодексе. Наиболее приметная черта этих глосс, ошибочно толковавшихся то как исправления неверных первоначальных чтений, то как стилистические

⁵ ПСРЛ. М., 2004. Т. 43. С. 240.

замены, то как имитация автографов Максима Грека (там глосс на порядок меньше), заключается в их бессистемности. Подмеченная Э. Бунатиру в переводах Курбского вариативность как его осознанная писательская установка (С. 234–241) косвенно указывает на неуверенность автора в том, какова будет его будущая читательская аудитория: московские начетчики⁶ простецы из западнорусских адептов православия⁷ единомысленные автору ценители латинской учености⁸ синонимические варианты позволяли удовлетворить требования разных категорий читателей.

Нужно учесть, что сами ревнители православия в Литве во второй половине XVI в. по-разному представляли себе способы противостоять экспансии католицизма и других неортодоксальных вероисповеданий: в то время как в окружении князя Константина Острожского ориентировались на греческий опыт, а Иван Вишенский объявлял о суетности мирских знаний как таковых, Курбский полагал, что православным следует упражняться в словесных науках, пользуясь достижениями латинян и не страшась учиться в их школах. В качестве примера он ссылался на собственные достижения в классическом образовании и на *curriculum* своего помощника Михаила Андреевича Ноготкова Оболенского, отправившегося на учебу сначала в Краков, а потом в Италию. Позиция Курбского была довольно уязвима, даже с точки зрения его православного окружения в Литве, где латинская образованность неизбежно ассоциировалась с латинской церковью. Еще меньше можно было рассчитывать на понимание в Москве, где торжествовала политика культурного изоляционизма, а образование по-прежнему сводилось к начетничеству. Не случайно Курбский опирается на авторитет Максима Грека, волею судьбы оказавшегося, как позднее сам князь, в чужой для него культурной среде и с трудом примерявшегося к требованиям этой среды. Авторитетом Максима Грека подкрепляет Курбский свои дифирамбы гуманитарному образованию, его же именем он прикрывается, повествуя о том, как латиняне перевели и распространили, после падения Константинополя, попавшие к ним в руки святоотеческие творения на греческом языке⁶. Рассказ этот, в двух вариантах, нужен князю, чтобы оправдаться по поводу использования в своих переводческих мероприятиях латинских, а не греческих оригиналов (ср. с. 207). Мысль о том, что между языком и конфессией нет принудительной зависимости (С. 277), можно считать первым шагом на пути к преодолению свойственного Средневековью субстанциального понимания слова. Допустимость грамматической и лексической синонимии отражает ту же тенденцию к эмансипации, чтобы не сказать секуляризации, языковой деятельности⁷.

Однако, как и во всех новациях Курбского, одна тенденция нейтрализуется другой. Пересмотр в некоторых пунктах средневековой философии слова соседствует у него с убеждением в особой богоугодности славянского языка, противопоставляемого «польской барбарии» (С. 271), а знаки пунктуации содержат, в глазах писателя, глубокий богословский смысл (С. 475). Курбский-переводчик остается по факту духовным писателем, так что его переводческую доктрину следует рассматривать *sub specie theologiae*. Вслед за А. И. Соболевским, весьма критически отозвавшимся о достижениях родовитого писателя на переводческом поприще («плохой латинист-самоучка» [Соболевский, 1911, с. 13]), новейшие исследователи тоже имеют обыкновение ставить князю в вину невразумительность переведенных им памятников. Э. Бунатиру, парируя эти выпады, справедливо подчеркивает, что ясность текста как главное к нему требование в рамках гуманистической литературной парадигмы, — критерий, неприменимый к наследию Курбского. Споря с неоправданной модернизацией, скрывающейся за упреками подобного рода, ученый подчеркивает, что Курбский отнюдь не стремился сделать свои переводы понятными.

⁶ Andrej Michajlovič Kurbskij. Novyj Margarit. Fol. 4v–5v; Die Dogmatik des Johannes von Damaskus in der Übersetzung des Fürsten Andrej M. Kurbskij (1528–1583) / Hrsg. von J. Besters-Dilger. Freiburg im Breisgau, 1995. S. XXXVII. Возможную интерпретацию легенды о греческих книгах см.: [Синицына].

⁷ Предложенная интерпретация синонимии в переводах Курбского показывает, что это явление другого сорта, нежели лексические дублеты в переводах Иоанна Эжзарха. Ср. о них: [Hansack].

Напротив, согласно представлениям Средневековья, трудность текста приветствуется, ибо она намекает на скрытый в нем глубокий смысл (С. 94, 97, 238, 241–242, 564–565, 771–772). Тут мы очередной раз сталкиваемся с противоречивостью литературных представлений князя: с одной стороны, он, продолжая линию Максима Грека, развивает грамматическую концепцию перевода, признававшую индивидуальные свойства каждого языка, с другой стороны, в согласии с традицией, исповедует теологически мотивированную зависимость плана выражения от плана содержания [Буланин, с. 25–37].

Полемическую позицию по отношению к своим предшественникам занимает Э. Бунатиру по весьма важному для его исследования вопросу о том, какие чтения Вольфенбюттельской рукописи (в том числе уверенно возводимые к авторскому оригиналу) допустимо считать ошибками. На выделение ошибок, как и на другие аспекты в переводах Курбского, автор книги предлагает смотреть исторически, то есть не упрекать князя в отступлении от парадигм, искусственно выведенных из ограниченного набора источников современными знатоками исторической грамматики. Таков, скажем, случай со смешением падежных окончаний, примеры которого А. И. Соболевский извлек некогда из писаний Максима Грека, объясняя их влиянием на афонского старца южнославянских норм [Соболевский, 1903, с. 262–264], и которое присутствует также в переводных трудах Курбского (С. 334, 746, 798). Э. Бунатиру настаивает на преимуществах индуктивного подхода к материалу (С. 796), он готов признать ошибками, главным образом, те грамматические аномалии, которые переводчик (или переписчик) допустил неосознанно (С. 774). Применительно к остальным отклонениям от стандарта автор рекомендует придерживаться следующего метода: изучаемый текст предлагается просмотреть насквозь в поисках аналогий, и, если такие аналогии будут найдены, отклонение следует понимать как каноническое чтение в пределах авторского представления о каноне (*in dubio pro reo*). Предложенный метод позволил автору монографии исключить из числа ошибок, числившихся за Курбским или его сотрудниками, большинство девиантных форм (С. 90, 95–96, 799–802). В дальнейшем, коль скоро автор успешно разрабатывает понятие «ошибки» как особый концепт [Bounatirou, 2018a], ему стоило бы рассмотреть это понятие в диахроническом аспекте, а также применительно к разным языкам, служащим источником перевода. Например, в древних славянских переводах с греческого постоянно встречаются ошибки, обусловленные итадизмами и другими фонетическими изменениями, которые, по-видимому, следует интерпретировать как ошибки внутреннего диктанта (соответствующие примеры см., в частности: [Thomson]). Ничего похожего в переводах Курбского, сделанных с латинского, мы не найдем. Ошибки такого рода, обычно на уровне лексики, не получится списать на счет индивидуальных пристрастий переводчика (как в случае с Курбским). Другое дело, что средневековая философия слова препятствовала исправлению подобных ошибок, в результате чего в переводной версии соответствующего памятника они признавались чтениями каноническими и исправно копировались из поколения в поколение.

Заметим в заключение, что монография Э. Бунатиру служит превосходной иллюстрацией континуитета в развитии науки. Фундаментальное исследование автора было бы невозможно без предварительного, хотя и несвободного от недостатков, издания «Нового Маргарита» И. Ауэрбах. Издание это оказалось тем более своевременным, что физическое состояние положенной в его основу рукописи делает ее недоступной для исследователей, так что труд И. Ауэрбах в известной мере служит заменой оригинала (С. 102). С другой стороны, сделанные за последние десятилетия находки, касающиеся жизни и творчества Курбского в целом, повторное открытие Вольнского списка «Нового Маргарита», наконец, тщательное исследование языка переводного сборника, в сопоставлении с его оригиналами, которое предложил Э. Бунатиру

и которое мы здесь обсуждали, — все это диктует необходимость нового, усовершенствованного издания одного из крупнейших переводных трудов в русской литературе XVI в. С выходом нового издания круг замкнется — завершится определенный научный цикл в познании важного литературного направления XVI в.

Литература

- Буланин Д. М. Древняя Русь // История русской переводной художественной литературы: Древняя Русь. XVIII век. СПб., 1995. Т. 1: Проза. С. 16–73.
- Ерусалимский К. Ю. «Новый Маргарит»: Рукописная традиция и рецепция // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2018. № 2 (72). С. 74–94.
- Калугин В. В. Андрей Курбский и Иван Грозный. Теоретические взгляды и литературная техника древнерусского писателя. М., 1998. 414 с.
- Лихачев Д. С. Стиль произведений Грозного и стиль произведений Курбского (Царь и «государев изменник») // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979. С. 183–213.
- Синицына Н. В. Русские тексты о судьбе «греческих книг» после падения Константинополя // Византия и Русь. М., 1989. С. 236–246.
- Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков. Библиографические материалы. СПб., 1903. VIII, 460 с.
- Соболевский А. И. Эней Сильвий и Курбский // Serta Borysthenica. Сборник в честь заслуженного профессора императорского Университета святого Владимира Ю. А. Кулаковского. Киев, 1911. С. 11–17.
- Besters-Dilger J. Andrej M. Kurbskij als Übersetzer. Zur kirchenslavischen Übersetzungstechnik im 16. Jahrhundert. Freiburg im Breisgau, 1992. 196 s.
- Bounatirou E. Ein unbekannter Maksim Grek // Slavica Helvetica. Bern, 2018. Vol. 86: Schweizerische Beiträge zum XVI. Internationalen Slavistenkongress in Belgrad. S. 11–30. [Bounatirou, 2018a]
- Bounatirou E. Zum Konzept Fehler am Beispiel der Analyse des *Novyj Margarit* des A. M. Kurbskij. Die Frage der Bewertung sprachlicher Richtigkeit in historischen slavischen Texten // Latinitas in the Slavonic World. Nine Case Studies. Berlin, 2018. S. 237–280. [Bounatirou, 2018b]
- Damerau N. Russisches und Westrussisches bei Kurbskij. Wiesbaden, 1963. 96 s.
- Hansack E. Zum Übersetzungsstil des Exarchen Johannes // Die Welt der Slaven. 1979. Bd 24. H. 1. S. 121–171.
- Thomson F. Towards a Typology of Errors in Slavonic Translations // Christianity among the Slavs. The Heritage of Saints Cyril and Methodius. Roma, 1988. P. 357–358.

References

- Besters-Dilger, J. Andrej M. Kurbskij als Übersetzer. Zur kirchenslavischen Übersetzungstechnik im 16. Jahrhundert. Freiburg im Breisgau, 1992. 196 s.
- Bounatirou, E. Ein unbekannter Maksim Grek. In *Slavica Helvetica*. Bern, 2018. Vol. 86: Schweizerische Beiträge zum XVI. Internationalen Slavistenkongress in Belgrad. P. 11–30.
- Bounatirou, E. Zum Konzept Fehler am Beispiel der Analyse des *Novyj Margarit* des A. M. Kurbskij. Die Frage der Bewertung sprachlicher Richtigkeit in historischen slavischen Texten. In *Latinitas in the Slavonic World. Nine Case Studies*. Berlin, 2018. P. 237–280.
- Bulanin, D. M. Drevnyaya Rus' [Old Russia]. In *Istoriya russkoi perevodnoi khudozhestvennoi literatury: Drevnyaya Rus'. XVIII vek*. SPb., 1995. T. 1: Proza. P. 16–73.
- Damerau, N. Russisches und Westrussisches bei Kurbskij. Wiesbaden, 1963. 96 s.
- Erusalimskii, K. Yu. "Novyi Margarit": Rukopisnaya traditsiya i retseptsiya ["The New Marguerite": Manuscript Tradition and Reception]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2018. № 2 (72). P. 74–94.
- Hansack, E. Zum Übersetzungsstil des Exarchen Johannes. In *Die Welt der Slaven*. 1979. Bd 24. H. 1. P. 121–171.

Kalugin, V. V. Andrei Kurbskii i Ivan Groznyi. Teoreticheskie vzglyady i literaturnaya tekhnika drevnerusskogo pisatelya [Andrey Kurbsky and Ivan the Terrible. Theoretical Views and Literary Technique of the Old Russian Writer]. M., 1998. 414 p.

Likhachev, D. S. Stil' proizvedenii Groznogo i stil' proizvedenii Kurbskogo (Tsar' i "gosudarev izmennik") [The Style of Grozny's Works and the Style of Kurbsky's Works (the Tsar and the "Sovereign Traitor")]. In *Perepiska Ivana Groznogo s Andreem Kurbskim*. L., 1979. P. 183–213.

Sinitsyna, N. V. Russkie teksty o sud'be "grecheskikh knig" posle padeniya Konstantinopolya [Russian Texts about the Fate of "the Greek Books" after the Fall of Constantinople]. In *Vizantiya i Rus'*. M., 1989. P. 236–246.

Sobolevskii, A. I. Perevodnaya literatura Moskovskoi Rusi XIV–XVII vekov. Bibliograficheskie materialy [Translated Literature of Moscow Russia of the 14th – 17th Centuries. Bibliographic Materials]. SPb., 1903. VIII, 460 p.

Sobolevskii, A. I. Enei Sil'vii i Kurbskii [Aeneas Sylvius and Kurbsky]. In *Serta Borysthenica. Sbornik v chest' zaslužennogo professora imperatorskogo Universiteta svyatogo Vladimira Yu. A. Kulakovskogo*. Kiev, 1911. P. 11–17.

Thomson, F. Towards a Typology of Errors in Slavonic Translations. In *Christianity among the Slavs. The Heritage of Saints Cyril and Methodius*. Roma, 1988. P. 357–358.

Dmitrii M. Bulanin

Institute of Russian Literature (the Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, Institute of History of Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

"NEW MARGARITES" BY A. M. KURBSKY
IN THE HISTORY OF RUSSIAN TRANSLATED LITERATURE

The most extensive of the works made by A. M. Kurbsky in Volyn is New Margarites. This collection of the texts is mainly composed of the writings by John Chrysostom, translated from Latin. The originals of the translations proved to be extracts from the five-volume edition of Chrysostom, which was published in Basel in 1558. In the discussed study E. Bounatirou focuses on the structural analysis of syntax that is characteristic for the translations gathered in the New Margarites. By the way, the author formulates original ideas concerning the text history of the collection, examines the style of the marginalia scattered across the pages of the manuscripts, discusses the double language orientation of the translator (Church Slavonic and Lithuanian Russian) and the methods the philologist should use in order to spot the mistakes made by the prince in his translations.

Keywords: emigration, translation, patristics, original, dependency grammar, syntax, glosses, archetype